

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) ¹⁾.

Глава VI.

Изъ Санъ-Стефано въ Берлинъ.

То, что произошло въ три мѣсяца, послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, не поддается описанію. Что должно приводить въ недоумѣніе cadaго, это разница между угрозами англійскаго правительства и дѣлаемыми имъ приготовленіями. Съ января по іюнь оно грозило войной Европѣ, а держало флотъ и армію на мирномъ положеніи. Голосовали кредитъ въ 6.000.000, а предлагали истратить пять. Говорили о посылкѣ 300.000 арміи въ Турцію, а не имѣли ни людей, ни транспортовъ, ни военныхъ припасовъ для похода, даже на третью часть этого количества. Они хвастались броненосцами предъ всѣмъ свѣтомъ, въ то время, какъ адмиралъ, командующій этими броненосцами, тщетно умолялъ дать ему крейсеровъ и судовъ меньшей силы, безъ которыхъ броненосцы не могутъ быть названы флотомъ. Это была страшно легкомысленная затѣя, но каждую минуту она могла довести до войны. Какъ ни пустяшно было хвастовство лорда Биконсфильда, его противники все же должны были придавать ему значеніе. Большинство его военныхъ и морскихъ предпріятій были такъ же практичны, какъ китайскій способъ встрѣчать завоевателя маханіемъ рисованными драконами. Что англичане

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1911 г.

могли терпѣть такое дурачество и позволить Биконсфильду грозить войной первоклассной военной державѣ, не принимая никакихъ мѣръ для военныхъ приготовленій, доказываетъ несомнѣнно, что Джонъ Буль расположенъ къ припадкамъ умопомѣшательства, къ чистому, неподдѣльному бедламству, по словамъ Карлайля. Трудно найти что-нибудь похожее на шутовство Биконсфильдовскаго правленія въ первую половину 1878 года.

Очевидною причиною всего рѣзкаго самохвальства, въ мартѣ, была ссылка на увѣренность, что русскіе откажутъ въ предьявленіи Санъ-Стефанскаго договора на разсмотрѣніе Европейскаго конгресса. Единственнымъ поводомъ къ такому предположенію была вѣскольکو неясная фраза кн. Горчакова въ его депешѣ относительно цѣли конгресса. Рѣшено было считать отказъ равносильнымъ объявленію войны Англій. Онъ писалъ: „Россія предоставляетъ право другимъ державамъ возбуждать на конгрессѣ такіе вопросы, какіе онѣ найдутъ нужнымъ обсуждать. Она же предоставляетъ себѣ право принять, или не принять обсужденіе этихъ вопросовъ“. Дипломатія кн. Горчакова, въ этомъ кризисѣ, не имѣла болѣе безпощаднаго критика, какъ генерала Игнатьева.

Прямымъ дѣйствіемъ политики хвастовства лорда Биконсфильда и молчаливо сдержанной политики кн. Горчакова было состояніе лихорадочнаго возбужденія, озлобленія и страха обѣихъ заинтересованныхъ націй. Г-жа Новикова была въ отчаяніи отъ Санъ-Стефанскаго договора при мысли, что въ угоду Биконсфильду договоръ этотъ, пожалуй, еще болѣе ослабѣетъ. Вотъ ея отзывъ о мирѣ.

„Объявлены условія мирнаго договора. Всѣ радуются за судьбу Черногоріи. Болгаріи не дурно, но было бы гораздо лучше, если бы вовсе не было въ будущемъ году европейскаго вмѣшательства. Босніей и Герцоговиной жестоко пожертвовали въ угоду Австріи. Наши войска глубоко оскорблены запрещеніемъ пройти черезъ Константинополь въ угоду Англій.

„Болгарскія крѣпости уничтожены въ угоду Европы, Адрианополь оставленъ Турціи въ угоду Великобританіи и султана“.

Огорченія ея раздѣляли многіе ея друзья англичане. Фриманъ, наримѣръ, не меньше негодовалъ, чѣмъ московскіе славянофилы. Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой изъ Палермо, отъ 7-го марта, онъ говоритъ:

„Вы спрашиваете, что я думаю о результатахъ Вашей войны? Говоря правду, мнѣ кажется, что Ваши дипломаты испортили все, что такъ благородно совершили Вашъ государь, Вашъ народъ и Ваша армія. Думаю, что имъ нелегко было справиться съ евреемъ и съ цыганомъ, но всѣ дипломаты ни на что не годны, они не пони-

мають или не хотятъ понять національнныя чувства и національнныя права. Я не имѣю причины думать, что русскіе дипломаты хуже другихъ, но не думаю, чтобы они были и лучше.

„Мнѣ кажется, что по этому договору Россія предлагаетъ взять то, что слѣдовало оставить, и оставить то, что должна была бы взять.

„Россіи слѣдовало бы взять себѣ сколько угодно территоріи въ Арменіи, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и ничего не брать въ Бессарабіи. Съ моей точки зрѣнія, армянинъ выигрываетъ, дѣлаясь русскимъ подданнымъ, румынъ же, принадлежа къ конституціонному государству, теряетъ при этой перемѣнѣ.

„Потомъ, Россіи слѣдовало завладѣть турецкимъ флотомъ или еще лучше потопить его; она не должна была бы требовать денегъ, потому, что у турка своихъ денегъ нѣтъ, онъ долженъ достать ихъ или воровствомъ, или обманомъ. Продайте султана и его пашей, но не берите ни гроша отъ его подданныхъ, христіанъ или мусульманъ. Тутъ является весь этотъ вздоръ: его величество султанъ и паши, высочества, превосходительства вмѣсто того, чтобъ назвать ихъ: „подлецы“, „воры“, „лгуны“, „убійцы“, которыхъ повѣсить надо за ихъ преступленія.

„Почему бы Болгаріи не быть такой же независимой, какъ Сербія? Почему она должна платить мошенникамъ, которые ее обокрали? Почему Боснія и Герцоговина должны ждать реформъ, которыхъ никогда не будетъ? Особенно тяжело это для Герцоговины, она вѣдь возбудила все дѣло освобожденія.

„И надъ всѣмъ этимъ вопросъ о Греціи; я вполне понимаю чувства между Россіей и Греціей и причины, возбудившія недоброжелательство съ обѣихъ сторонъ, но со стороны Россіи было бы благородно и великодушно оказать Греціи то же, что славянамъ. Это было бы разумно. Теперь всякое государство можетъ возстановить Грецію противъ Россіи.

„Наконецъ, дѣло не совершено, пока варваръ остается въ новомъ Римѣ и невѣрующій въ Св. Софіи. Какъ могли Ваши войска оступить въ виду Св. Софіи, я не понимаю!

„Во всемъ этомъ я вижу совершенно что-то иное, чѣмъ благородный пылъ, одушевлявшій Вашъ народъ. Я въ этомъ вижу дипломатію. Дѣло людей съ изуродованными понятіями, цѣль которыхъ не обидѣтъ людей такихъ же изуродованныхъ понятій. Эти люди близоруки и дѣла ихъ не прочны. Они смотрятъ только на наружную сторону вещей. Я полагаю, они считаютъ, что хотя турокъ и оставленъ, все же онъ подчиненъ ими Россіи, Россія возвысилась бы гораздо болѣе и выполнила бы гораздо лучше желаніе своего народа,

если бъ не остановилась на поль-дорогѣ, а искоренила совершенно турка изъ всѣхъ европейскихъ и христіанскихъ странъ.

„Вотъ какъ я понимаю вещи. Ничто, конечно, не можетъ извинить хвастливаго и вѣроломнаго еврея, который зналъ, въ чемъ договоръ, и лгалъ.

„Только-что просматривалъ III томъ „Великій и добрый Альбертъ“. Какое это откровеніе. Какъ могло столько кабинетовъ одинъ за другимъ мириться съ надоѣдливой дерзостью этого Альберта? Понять не могу. И теперь его книга выставлена для того, чтобы нами управляла его тѣнь.

„Пусть Вашъ народъ взвѣситъ и оцѣнитъ слова Гладстона о Бессарабіи. Я увѣренъ, что Вашъ императоръ выше такого мелкаго чувства. Пусть возьметъ себѣ Эрзерумъ и всю Арменію, это будетъ доброе дѣло. Крымская война и всѣ ея послѣдствія могутъ быть вознаграждены вполнѣ безъ бессарабскаго клочка земли. Пускай лучше Молдавію доведутъ до Днѣстра, какъ было въ старину. Вѣрьте мнѣ: было бы великое дѣло возвратить этотъ клочекъ Румыніи, какъ награду за заслуги. Искренно преданный

Эдуардъ Фриманъ“.

Сэръ Джорджъ Коксъ и многіе другіе были того же мнѣнія и горько сожалѣли, что Россія не избавила навсегда Европу отъ Оттоманской орды. Сожалѣнія Гладстона о Бессарабіи, сѣтованіе Фримана на то, что договоръ остановленъ на половинѣ, и угрозы англійскаго правительства войной за то, что Россіи досталось слишкомъ много,—все это дѣлало положеніе г-жи Новиковой крайне непріятнымъ.

Я жаловался ей на рѣдкія письма и говорилъ, что боюсь, что она забываетъ своихъ англійскихъ друзей. Она отвѣтила.

25/13 марта 1878 г.

„Какъ мало Вы меня знаете, если не видите разницы между молчаніемъ и забвеніемъ. Я просто переутомилась. Мнѣ приходится писать письма, статьи, прошенія, а у меня только двѣ руки и маленькая частичка мозга на всю эту работу.

„Что бы ни случилось въ политическомъ мірѣ, ничто не измѣнитъ моей глубокой симпатіи къ славянофильской Англій и моимъ англійскимъ друзьямъ. Жалѣю, что бѣдной Англійей управляетъ ужасная шайка людей“.

Но г-жа Новикова иногда все-таки теряла терпѣніе. Вотъ доказательство. Она пишетъ:

21 марта 1878 г.

„Объявляйте войну, будьте мужественны и прямы, но бросьте оскорбленія и явную ложь. Послѣ этихъ постыдныхъ двухъ лѣтъ Вамъ никогда не удастся возвратить вѣру въ слово англичанина; англійское правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить свое высокое нравственное положеніе“.

Чтобъ отвести душу, она пишетъ сочувствующему ей другу:

„Какъ долго будетъ англійскій флотъ грозить всей нашей арміи? Каждый день стоитъ намъ около двухъ милліоновъ рублей. Я знаю, рассчитываютъ на наше раздраженіе, а пока съ нами хотятъ играть для забавы? Хороша игрушка. Мы оказали слишкомъ много спокойствія и самообладанія. Войди мы въ Константинополь въ тотъ моментъ, какъ англійскія суда вошли въ Мраморное море, все было бы спасено. Мы не боимся жертвъ и самопожертвованій, но если мы жертвуемъ своимъ долгомъ, всѣмъ дѣломъ,—мы совершаемъ преступленіе.“

„Что же остается дѣлать, если Англіей деспотически управляетъ злодѣй, и англичанъ топчутъ ногами, какъ невольниковъ, хотя наружно они толкуютъ о своей политической свободѣ. Мнѣ опротивѣли лицемеріе и хвастовство.“

„Фостеръ думаетъ, что время энергичнаго сопротивленія еще не настало. Боже мой. Чего же хочетъ онъ еще?“

...„Пишите, какъ только есть время. Мы оба въ жестокой борьбѣ. Сосдиняетъ насъ сознаніе человѣколюбиваго и великодушнаго долга; задача благородная, достойная христіанина. Благослови Васъ Богъ“.

Въ отвѣтъ на просьбу опровергнуть обвиненія, взводимыя на Россію ея врагами въ печати, Ольга Алексѣевна писала:

16 марта 1878 г.

„Я дамъ Вамъ всѣ свѣдѣнія, какія могу. Признаю трудность Вашего положенія. Но если бы Вы знали, съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ у насъ на обвиненія въ родѣ тѣхъ, что дѣлаетъ Форбсъ? Вы хотите унижить Россію разсужденіями съ лгунами, подобными Элліоту и Биконсфильду. Вамъ нужно ихъ одобреніе? Вотъ что я получаю въ отвѣтъ на мои вопросы. Пусть еще больше лгутъ. Ваши религіозные друзья славятся своимъ христіанскимъ сочувствіемъ. Не могу выразить, какъ мнѣ больно слушать все, что говорятъ теперь въ Россіи противъ Англій“.

Когда 28-го марта лордъ Дерби вышелъ въ отставку, она писала почти съ отчаяніемъ:

„Вы говорите мнѣ: употребляйте всѣ мѣры, чтобы не уязвлять

нашихъ чувствъ. Увы, приближается время, когда вѣроятно не только нравственныя, но и физическія язвы нанесутъ другъ другу русскіе и англійскіе солдаты, но мы съ Вами заняты другимъ дѣломъ, дѣйствительно религіознымъ и человѣколюбивымъ. Я прихожу въ уныніе. Я вѣрила Гладстону, Фруду и Вамъ, и надѣялась, на перекоръ всякой надеждѣ, что обѣ націи останутся друзьями, такъ какъ Россія сдержала свое слово, она соблюдала интересы Англій, принесла въ жертву болѣе важныя. Отставка Дерби доказываетъ, въ какомъ умопомѣшателствѣ находится англійское правительство и какъ слабы либералы“.

Положеніе въ Англій было дѣйствительно унылое. Либеральная партія раздѣлилась на-двое. Лордъ Хартингтонъ прошелъ съ большимъ сопротивленіемъ, а Гладстонъ, обожаемый радикалами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ очень не популяренъ. Вотъ письмо либерала изъ Лондона, писанное въ мартѣ 1878 г.:

„Всѣ здѣсь превратились во враговъ Россіи. Я былъ сегодня въ центральномъ либеральномъ комитетѣ и никогда не видѣлъ такого собранія людей безъ всякаго человѣческаго достоинства. Кандидатовъ не достаетъ на половину парламентскихъ мѣстъ и нѣтъ совсѣмъ на графства. Политика наша существуетъ только случайно, потому что членъ кабинета лордъ Дерби за насъ; лордъ Биконсфильдъ не смѣетъ удалить его, какъ онъ бы удалилъ всякаго другого, противящагося до такой степени его личной политикѣ. Почему-то вдругъ Гладстона возненавидѣли въ Лондонѣ, хотя онъ направлялъ ходъ корабля, но его экипажъ предпочелъ утонуть безъ него, чѣмъ плыть съ нимъ. Его *modus operandi* таково, что всякая дѣятельность безнадежна, слышалось съ разныхъ сторонъ“.

Несмотря на это, провинціальныя выборы съ необыкновеннымъ единствомъ были за Гладстона. Въ то время какъ подписывался Санъ-Стефанскій договоръ, Тамвортскіе выборы дали большинство двухъ противъ одного противъ правительства. — Ударъ въ высшей степени ощутительный. На сѣверѣ Англій доблестныя либералы говорили вещи, еле повторяемыя въ печати. Мысль, что Англія страна исторіи героевъ, государственныхъ людей и поэтовъ, вдругъ стала играть такую жалкую роль въ политикѣ, унижала, глубоко оскорбляла гордыхъ англичанъ.

Слѣдующее письмо, образецъ многихъ горестныхъ сообщеній, полученныхъ въ это мрачное время Ольгой Алексѣевной.

„Если Вы желаете настаивать на войнѣ, то Вы должны принять въ расчетъ перемѣну положенія. Лордъ Биконсфильдъ наконецъ достигъ того, чѣмъ онъ еще не былъ никогда, онъ внезапно перетянулъ на свою сторону власть надъ военными силами Англій.“

„Съ Вами я говорю откровенно, Вы знаете, какъ я сильно надѣялся, и Вы поймете, насколько мраченъ долженъ быть взглядъ на вещи, если даже я теряю вѣру въ сдерживающую силу англійскаго здраваго смысла. Я получилъ письмо отъ Фруда; онъ, напротивъ, меня ободряетъ, такъ какъ все можетъ еще вскорѣ исправиться. Вы понимаете, какъ я былъ подавленъ, если даже Фрудъ является утѣшителемъ. Я не думаю, чтобы Вы были въ силахъ сдѣлать многое, быть можетъ, Вы вовсе ничего не можете сдѣлать, но я умоляю Васъ не жалѣть силъ, чтобъ убѣдить Вашъ народъ не ухудшать положенія вещей такъ, чтобъ Англїи не оставалось другого выхода, какъ самоубійство, потому что война съ Россїей это будетъ не что иное, какъ самоубійство. Бѣдная Англїя!“

„Когда всматриваешься въ возможность несчастій, голова идетъ кругомъ и сердце замираетъ. Меня преслѣдуетъ страхъ, что англійскому народу, за его прегрѣшенія, можетъ быть, суждено погибнуть, и лордъ Биконсфильдъ назначенъ его убійцей, какъ Наполеонъ былъ убійцей Франціи. Націи, когда онѣ одержимы бѣсомъ, низвергаются въ пропасть, подобно евангельскому стаду свиной, и я боюсь, что Англїя отдана во власть бѣсовскую“.

„Не мысль о жертвахъ смерти на полѣ битвы ожидаетъ насъ, но приговоръ судьбы за несправедливую войну, за неправое дѣло. Зачѣмъ я тревожу Вашъ слухъ моими тяжкими жалобами! Я бы сошелъ съ ума, не будь увѣренности, которую я сохранилъ въ премудрость и благость Всевышняго“.

Самый худшій моментъ былъ, когда лордъ Дерби подалъ въ отставку въ концѣ марта. Лордъ Биконсфильдъ рѣшилъ призвать запасныхъ и горсть сипаевъ въ Мальту, какъ доказательство англійской мощи. Предлогомъ было, что Россія не представитъ мирный договоръ Европейскому конгрессу, но фактъ былъ тотъ, что Биконсфильду необходимо было, съ партійной точки зрѣнія, дѣйствовать или дѣлать видъ, что онъ дѣйствуетъ, чтобъ удовлетворить своихъ туркофильскихъ приверженцевъ. Политика Гладстона торжествовала, съ туркомъ покончено, болгары освобождены, русскіе стояли въ виду Константинополя. Необходимо сдѣлать что-нибудь одуряющее, бросающееся въ глаза, поэтому сипаи были привезены въ Мальту, а это заставило лорда Дерби подать въ отставку.

Кинглекъ недавно сказалъ: Биконсфильдъ подражаетъ Канингу, который говорилъ: я призываю къ жизни новый свѣтъ для уравновѣшиванья стараго. Биконсфильдъ, призывая сипаевъ, говоритъ: я возрождаю миръ чернокожихъ, чтобъ уравновѣситъ бѣлыхъ.

Но призывъ резервовъ не имѣлъ популярности; когда приказано

было резервисту Хартльпуля, извѣстному джингоисту, ненавидящему Россію, прибыть въ главную квартиру, его джингоизмъ исчезъ, онъ сказалъ, что желалъ бы Биконсфильду попасть въ адъ“.

Преобладало такое чувство, что не столько Биконсфильду, какъ англійскому народу грозила гибель. Набожные люди задумывались надъ пророками Свящ. Писанія, боясь возмездія отъ Провидѣнія. Вотъ одно изъ такихъ размышленій:

„Непроницаемая тайна, почему діаволу и его позидѣйшимъ воплощеніямъ въ видѣ турка, лорда Биконсфильда и проч. разрѣшено тревожить міръ, но Богъ лучше знаетъ. Быть можетъ Его воля, чтобъ чрезъ страшную кару несчастной войны, Англія поняла бы свой долгъ къ побѣжденнымъ народамъ и опасность безпокойной, раздражающей политики. Быть можетъ мы такъ заражены роскошью, такъ извѣдены пороками, такъ ослаблены скептицизмомъ, что насъ спасти отъ гибели могутъ только отрезвляющія страданія кары. Не мы, а Онъ это знаетъ. Война жжетъ, но очищаетъ, и Богъ своею строгостью намъ даетъ лучшую помощь. Конечно, это не есть разсужденіе въ пользу войны. Это только соображеніе, почему можно совмѣстить ужасъ грозящей войны съ благостью Всемогущаго Бога“.

Послѣ отставки лорда Дерби, когда лордъ Сольсбери распространилъ свой знаменитый циркуляръ 1-го апрѣля, такъ зло критикующій мирный договоръ, что „Pall-Mall“ газета напечатала его въ передовой статьѣ; казалось, что гроза разразилась и все потеряно. Однако это былъ только самый мрачный часъ передъ зарей. Рѣчь лорда Дерби, въ которой онъ пояснилъ, почему онъ вышелъ изъ кабинета, не только стремящагося къ войнѣ, но кидающагося въ нее, была трубнымъ звукомъ, призывающимъ благоразумную часть націи запретить безпричинную и несправедливую войну.

„Сѣверное эхо“ перепечатало рѣчь лорда Дерби въ 500.000 экземплярахъ и распространило ее въ государствѣ. Королевѣ она была доставлена посредствомъ вліятельныхъ лицъ. Возобновились митинги противъ войны. Большія собранія устраивались въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ. Лордъ Розбери мнѣ писалъ, что въ Шотландіи мнѣніе было такъ единодушно, что туда не стоило посылать рѣчь лорда Дерби.

Тѣмъ не менѣе антирусское чувство росло. Если сравнить національный взрывъ противъ турокъ 1876 г. съ антирусскимъ волненіемъ 1878 г., то разница будетъ такая, какъ между водопадомъ Ніагары и водосточной трубой.

Биконсфильдъ былъ во главѣ кабинета, лордъ Хартингтонъ, лидеръ оппозиціи, не пользовался симпатіями девяти десятыхъ страны.

Лондонскіе клубы и печать деморализировали Палату общинъ. Даже Фостеръ не вотировалъ съ Гладстономъ, когда сэръ Лосонъ раздѣлилъ Палату противъ призыва запасныхъ. Не удивительно, что въ Россіи даже г-жа Новикова не вѣрила въ мирный исходъ.

Гладстонъ, преувеличившій значеніе переуступки Бессарабіи, понялъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, какой онъ далъ козырь въ руки врага. Въ тотъ день, когда лордъ Сольсбери писалъ свой циркуляръ, Гладстонъ писалъ г-жѣ Новиковой:

1-го апрѣля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова,—положеніе дѣлъ весьма печальное. То, что я говорилъ о мирѣ и о соглашеніи Европы, появилось въ печати за январь и мартъ въ Nineteenth Century. Горькое разочарованіе видѣть въ заключеніи войны, съ вѣской причиной, опасность новой войны безъ всякой причины, которая, если произойдетъ, будетъ актомъ настоящаго беззаконія, отъ чего сохрани Богъ обѣ стороны“.

„Несчастный вопросъ о клочкѣ Бессарабіи, о которомъ я Вамъ высказалъ свое мнѣніе откровенно (потому что иначе нѣтъ смысла мнѣ писать), угрожаетъ сдѣлаться отчасти предлогомъ, отчасти причиной огромнаго вреда, и омрачить, по моему мнѣнію, и въ нѣкоторой части исказить военную славу, приобрѣтенную Россіей въ смыслѣ военныхъ успѣховъ вполнѣ и долженствующую быть такою же въ смыслѣ нравственномъ.“

Я думаю, что англійское правительство воспользуется несчастнымъ вступленіемъ Россіи въ часть Бессарабіи, чтобъ раздуть все это дѣло. Для меня это ясно, потому что напечатали обѣщаніе кн. Горчакова Румыніи согласиться на ея требованія. Если этого обѣщанія со стороны Россіи не было дано, то это слѣдуетъ пояснить. Если это правда, тогда это возбудитъ всякаго либеральнаго англичанина противъ Россіи, хотя многіе (я не въ ихъ числѣ) могутъ сказать: это не наше дѣло. Вѣрьте моей почтительной преданности
Гладстонъ“.

Слѣдующія выдержки изъ писемъ г-жи Новиковой даютъ намъ понятіе о положеніи въ Москвѣ.

4-го апрѣля 1878 г.

„Декларация лорда Сольсбери ужасна по своему цинизму. Какъ можетъ Россія отвѣтить на такое требованіе? Нельзя мирно разрѣшить дѣло, если турецкая юрисдикція составляетъ интересъ Англии. Несомнѣнно будетъ война, и какая страшная!“

„Государь сказалъ на-дняхъ: „если будетъ война съ Англійей, я пожертвую всю частную собственность моей семьи“. Меня очень огорчаетъ политическій горизонтъ. Здѣсь всѣ точно онемѣли“.

6-го апрѣля 1878 г.

„Мы въ полномъ отчаяннѣ. Россія терпѣлива до послѣдней степени. Мы сложили руки и ничего не дѣлаемъ. Я оплакиваю Бессарабскій вопросъ, какъ оплакиваю судьбу Босніи и Герцоговины, которымъ достается только то, что было обѣщано Европой. Кто можетъ ожидать благодарности въ политикѣ? Румынія доказываетъ, какъ забываются благодаренія, оказанныя ей Россіей. Болгарія, пока ее поддерживаетъ Россія, будетъ благодарна, но черезъ нѣсколько лѣтъ она едва-ли окажетъ больше преданности, чѣмъ другія покровительствуемыя страны. Мы, русскіе, имѣемъ вѣрный взглядъ на этотъ счетъ и не предаемся иллюзіямъ“.

Г-жа Новикова въ полномъ уныніи, сказалъ кто-то, не будемъ слишкомъ оскорблять ея чувствъ. Да. Бѣдную О. К. часто упрекаютъ въ англomanіи, но она ничего не можетъ сдѣлать и все еще надѣется. Она вѣритъ въ Бога и въ здравомыслящую часть англійскаго народа.

9-го апрѣля 1878 г.

„Скажите, ради Бога, почему Вы думаете, что я желаю войны съ Англіей? Я бы всѣмъ пожертвовала, чтобъ ей помѣшать. Но что можетъ сдѣлать Россія, не потерявъ чести, не забывъ своихъ священныхъ обязательствъ, если Сольсбери хочетъ уничтожить весь трактатъ? Умоляю Васъ сказать мнѣ, что бы я должна была сказать, не забывая того, что дороже жизни, т. е. долгъ относительно тѣхъ, которые зависятъ вполне отъ нашей поддержки?“

„Скажите, что я могу сдѣлать на помощь благородному, высокому дѣлу, сердечно соединяющему англійскую оппозицію съ искренними, безкорыстными славянофилами... Дайте мнѣ надежду, что вся либеральная партія не забыла Божьяго правосудія“.

О. К.

11-го апрѣля 1878 г.

„Заявленіе лорда Гренвиля, что оппозиція только разъ воспрепятствовала правительству вовлечь Англію въ войну, произвело весьма тяжелое впечатлѣніе на насъ, преданныхъ защитниковъ англійскаго союза съ Россіей. Рѣчь лорда Сольсбери всѣми читалась съ полнымъ негодованіемъ. Мысль, что война необходима, что мы теряемъ время, давая врагу возможность укрѣпиться, все больше распространяется. На меня смотрятъ, какъ на сумасшедшую, ослѣпленную любовью къ Англіи. Однако, Катковъ печатаетъ все, что я пишу. Сегодня утромъ появилась длинная статья моя, въ которой я привожу всѣ Ваши факты и разсужденія. Какъ видите, я служу орудіемъ въ добромъ дѣлѣ“.

12-го апрѣля 1878 г.

„Думаю, что отвѣтъ Горчакова послѣдняя уступка, которую сдѣлаетъ Россія. Новыя уступки только даютъ поводъ къ новымъ требованіямъ; всѣ онѣ обращены противъ насъ. Англія противилась какому бы то ни было нашему вмѣшательству въ Египтъ. Египетскія войска сражались противъ насъ. Англія препятствовала приближенію нашему къ Дарданелламъ. Присутствіе Вашего флота есть наша уступка къ Вашей просьбѣ. Мы должны были избѣгать Константинополя. Вы приблизились къ нему. Мы соблюдали всѣ Ваши интересы, Вы пренебрегли всѣми нашими и Ваша официальная печать относится презрительно къ намъ. Что получили мы за наши жертвы? Скажите откровенно, что бы Вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Дѣло въ томъ, что честные англійскіе голоса безсильны. Г. Фостеръ, лордъ Хартингтонъ воздержались отъ поддержки Гладстона. Никто здѣсь не можетъ понять, что это значитъ“.

17-го апрѣля 1878 г.

„Можете ли Вы вообразить, что телеграфъ, передавшій намъ слово въ слово, что говорили Биконсфильдъ и Харди, только упоминалъ объ отвѣтѣ лорда Дерби? не удивительно ли? Но это фактъ: мы узнали изъ англійскихъ газетъ, шесть дней позднѣе, объ этой замѣчательной, благородной рѣчи лорда Дерби, которую могъ бы сказать Гластонъ и Карнарвонъ. Я счастлива, что прочитала ее хотя и поздно. Вѣсть Ваша о голосахъ противъ войны великое счастье. Я почти больна отъ волненій. Какъ бы желала я, чтобы этотъ несчастный вопросъ о Бессарабіи никогда не возбуждался“.

18-го апрѣля 1878 г.

„Я написала довольно пространную статью, убѣждая Россію сдѣлать послѣднюю жертву славянскому дѣлу и на угрозы Биконсфильда отвѣчать спокойствіемъ и самообладаніемъ. Доблесть и храбрость нашихъ войскъ достаточно доказаны. Не можемъ ли мы вспомнить, что, объявляя войну Англіи, мы тормозимъ успѣхи освобожденныхъ славянъ и затрудняемъ необходимыя имъ реформы. Словомъ, я писала на основаніи Вашихъ извѣстій и многимъ не понравилась. Люди теряютъ терпѣніе, а это плохой признакъ“.

24-го апрѣля 1878 г.

„Конгрессъ, я думаю, только продлитъ наше мученіе, лордъ Сольсбери и Биконсфильдъ рѣшили бороться за свой престижъ и каждый день истощаютъ наше терпѣніе и финансы. Намъ пришлось освободить славянъ отъ Турціи и Англіи. Мы имѣли въ виду только первую, въ этомъ наша страшная ошибка“.

26-го апрѣля 1878 г.

„Какое время мы переживаемъ! Я завидую одной пріятельницѣ, которая заболѣла тифомъ сегодня утромъ. Она или умретъ или будетъ больна, безчувственна три-четыре недѣли. Страшно сознавать дѣйствительность. Я такъ упала духомъ, все такъ мрачно, что я только могу дышать, когда думаю о прошломъ“.

Я послалъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ Гладстону. Онъ отвѣчалъ.

9-го апрѣля 1878 г.

Милостивый Гисударь,

„Меня не удивляетъ огорченіе г-жи Новиковой, потому что агентъ ли она, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, русскаго правительства или нѣтъ, объ этомъ я лично не знаю, я вѣрю въ ея сердечное расположеніе къ мирнымъ и дружескимъ отношеніямъ съ Англіей“.

„Мы очень дурно поступили съ Россіей. Способъ, которымъ держится нашъ нейтралитетъ (и какой нейтралитетъ!) въ ея глазахъ величайшая наглость“.

„Предложеніе его о Бессарабіи, въ отвлеченномъ смыслѣ, даетъ предлогъ военной партіи и приводитъ въ отчаяніе друзей мира и свободы. Не принимая этого въ расчетъ, могутъ быть недостатки въ соглашеніи съ Турціей, но я не вижу такихъ, которые бы заслуживали порицанія. Я того мнѣнія, что хотя тонъ либеральной партіи понизился, за послѣдній мѣсяць или шесть недѣль изъ опасенія за свои мѣста, вчерашніе дебаты въ палатахъ должны были произвести благопріятное вліяніе въ пользу мира. Одинъ пріятель спросилъ у меня (до этого), что я думаю о возможности войны, я отвѣчалъ, что о возможности можно только держать пари и что шансы двухъ противъ одного за миръ“.

„Положеніе улучшилось, а пока мы должны бороться твердо и мужественно за правое дѣло, какъ это дѣлаете Вы. Вамъ преданный Гладстонъ“.

По временамъ Фриманъ присылалъ издалека слова ободренія и веселости.

Палермо, 9-го апрѣля 1878 г.

„Я надѣюсь, что Ваши слова „мнѣ опротивѣла умѣренность“ изображаютъ общее настроеніе Россіи. Что будетъ, никто отгадать не можетъ. Еврею, повидимому, наконецъ удастся дѣлать по-своему“.

Г-нъ Брайтъ былъ въ уныніи, несмотря на выборы въ Нортумберландъ, на которыхъ графъ Грей соединился съ г-омъ Ридлей за мѣсто, прежде занятое консерваторами. Ридлей съ негодованіемъ

отвергъ обвиненіе, что онъ желаетъ возстановить турецкое могущество въ Европѣ. Г-нъ Брайтъ писалъ:

26-го апрѣля 1878 г.

„Я не знаю, какъ поступать съ теперешнимъ кризисомъ. Конституціоналисты создали министра и должны пожалеть, что посѣяли. Россія не занимаетъ Индію. Индія занимаетъ Россію или собирается это сдѣлать. Все же, безъ союза Англии съ Австріей я не вижу возможности войны съ Россіей. Выборы въ Нортумберландъ важный фактъ. Я не могу воевать, какъ 24 года назадъ. Я только могу протестовать и повиноваться“. Вамъ преданный

Джонъ Брайтъ.

Генри Ричардъ, секретарь Общества мира, писалъ мнѣ о предполагаемомъ распространеніи рѣчи лорда Дерби:

„Я сомнѣваюсь, чтобъ это произвело то вліяніе, котораго Вы ожидаете. Народъ нашъ находится въ одномъ изъ своихъ періодическихъ припадковъ безумія, и ничто иное не приведетъ его въ чувство, какъ жестокое бѣдствіе. Во всякомъ случаѣ Вы смѣло сыграли Вашу роль“.

Г-нъ Леонардъ, теперь лордъ Кортней, писалъ:

„Признаюсь, я имѣю мало надежды, развѣ на осторожность и настойчивость одного или двухъ министровъ (я полагаю, что это были сэръ Стафордъ Норткотъ и г-нъ Кроссъ), а Вы знаете, какъ мало довѣрія можно имѣть тамъ. Есть ли признакъ успокоенія въ народѣ? Я бы хотѣлъ этому вѣрить, но колеблюсь“.

Періодъ нерѣшимости продолжался весь май. Военственное хвастовство военной партіи и театральная воинственность правительства отразились естественно на промышленности, результатомъ чего явились промышленные споры и опасныя возмущенія. Въ Блэкбернѣ чернь такъ была возбуждена, что вызваны были войска и въ одномъ случаѣ принуждены были стрѣлять въ бунтовщиковъ.

Призывъ 7.000 сипаевъ изъ Индіи на островъ Мальту произвелъ большіе запросы въ Палатѣ общинъ по инициативѣ Фаусета. Читая статьи газетъ того времени, въ сравненіи съ послѣдующими войнами въ Южной Африкѣ и Манчжуріи, болѣе чѣмъ когда-либо видишь смѣшную пустоту приготовленій къ войнѣ Биконсфильдскаго кабинета. Кажется невѣроятнымъ, чтобы люди, не изъ бедлама, могли довести Англию до крайности выступить въ бой съ первоклассной военной державой, не сдѣлавъ соответствующихъ приготовленій къ такъ легкомысленно вызываемому конфликту. Но кромѣ призыва 40.000 запасныхъ и 7.000 сипаевъ лордъ Биконсфильдъ и его коллеги ничего не сдѣлали. Если бы война загорѣлась вслѣдствіе ихъ политики угрозъ и оскорбленій, никто не за-

служилъ бы такого обвиненія въ измѣнѣ, какъ эти министры, рискующіе воевать съ Россіей, когда армія ихъ не соответствовала даже Трансваалю.

Послѣ Бланкбернскихъ волненій я написалъ нѣсколько тревожную статью о возможныхъ результатахъ политики Биконсфильда, которая, повидимому, возбудила сочувствіе Фруда, онъ мнѣ писалъ:

16-го мая.

„То, что Вы пишете, грустно и думаю, что довольно вѣрно. Вина правительства такъ велика и такъ очевидна, что я ни на минуту не сомнѣваюсь въ возмездіи за нее, а такъ какъ всѣ партіи, кромѣ радикаловъ, участвовали въ ней, то вѣроятно онѣ понесутъ свою долю наказанія.

„Предсказать я не могу, въ какой формѣ оно явится. Паденіе промышленности, причиняющее бунты, происходитъ отъ страха и неопредѣленности, вызванныхъ политикой Биконсфильда. Я надѣюсь, что на сѣверѣ рабочіе и хозяева сознаютъ, кому этимъ обязаны. Въ такомъ случаѣ бунты принесутъ пользу. Если нѣтъ, и произойдетъ война, я съ горькимъ хладнокровіемъ вижу неизбежныя послѣдствія. Я съ отвращеніемъ смотрю на парламентъ, на его партіи, его претензіи и его безсиліе. Иногда мнѣ отвратительны всѣ парламенты вообще. Но въ умѣ англичанина кроется суровая правильность и логичность; какъ только совѣсть въ немъ заговоритъ, кривое можетъ еще сдѣлаться прямымъ“.

„Вы можете сдѣлать пользу, настаивая на политической причинѣ бѣдствія. Я слышу, что въ Валлисѣ бѣдняки рабочіе на желѣзныхъ и угольныхъ рудникахъ проѣли свою мебель и платье. Десятки тысячъ голодаютъ. Радикалы отказались поддержать Генриха Смита въ Оксфордѣ за рѣчь, сказанную имъ о Восточномъ вопросѣ.

Онъ былъ позорно разбитъ, чему я сердечно радуюсь.

Въ началѣ предыдущаго мѣсяца Фрудомъ были недовольны за публичный совѣтъ либераламъ умыть руки отъ всякой отвѣтственности за угрожающую войну. Онъ писалъ:

„Партія либераловъ не одобряла съ самаго начала дѣйствій правительства. Всякій разъ, какъ являлась возможность мирнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса, правительство нарушало европейскій концертъ и вело свою политику. Эта политика ускорила войну между Турціей и Россіей. Авторамъ ея будетъ принадлежать честь въ случаѣ успѣха и на нихъ же падаетъ отвѣтственность въ случаѣ ея неудачи. Въ успѣхѣ или неудачѣ на нихъ и на дѣтей

ихъ падаетъ кровь, пролитая въ борьбѣ, которую либеральная партія всегда считала ненужной. Долгъ лидеровъ оппозиціи умыть руки.“

Однако совѣтовъ Фруда не слушали, и оппозиція войнѣ поддерживалась съ величайшей бодростью во всей странѣ.

Главная причина, по которой на континентѣ царила неопредѣленность, весной 1878 г., было превратное толкованіе англійскимъ правительствомъ нѣскольکو неясной фразы кн. Горчакова въ его депешѣ, сообщающей державамъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Онъ сказалъ, что Россія сохраняетъ за собою полную свободу оцѣнки и дѣйствій касательно каждой оговорки конференціи. Это было принято за желаніе Россіи отклонить право конференціи измѣнить или уничтожить какое бы то ни было условіе, на которомъ бы Россія настаивала.

Напрасно протестовала Россія, говоря, что, сохраняя за собою свободу не участвовать въ обсужденіяхъ, которыя она уступала другимъ, она признавала право державъ обсуждать все въ договорѣ. Лордъ Биконсфильдъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія представила полностью договоръ конференціи и, чтобы заставить ее это исполнить, онъ грозилъ ей войной. Это была смѣшная щепетильность, но на которой упорствовали нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, смѣлая и непримиримая оппозиція войнѣ, поддерживаемая Гладстономъ и сильными людьми, слабыми въ парламентѣ, но сильными въ странѣ, убѣдила, наконецъ, Биконсфильда, что лучше ему ретироваться изъ угрожающаго положенія. Какъ только онъ пришелъ къ этому заключенію, отступление его легко было оформить. Говорятъ, что графъ Шуваловъ, при участіи кронпринца, впоследствии императора Фридриха Германскаго, уладили дѣло въ Берлинѣ. Германія взяла на себя издать приглашеніе на конференцію и приглашеніе было такъ составлено, что служило неформальной гарантіей свободнаго обсужденія всего трактата. Въ то же время частнымъ соглашеніемъ съ англійскимъ кабинетомъ дана была гарантія Россіи, что конференція ректификуетъ въ договорѣ все то, что касается вознагражденія Россіи, и довольствуется измѣненіями въ статьяхъ, касающихся освобожденія славянъ. Болгарія должна была быть раздѣлена и Македонія предоставлена туркамъ; во всемъ остальномъ трактатъ оставался неизмѣненнымъ. Когда стали неофициально извѣстны условія Россіи, я писалъ 28 мая:

„Вотъ какъ я смотрю на дѣло: лордъ Биконсфильдъ воображалъ, два мѣсяца назадъ, что англійская нація лихорадочно стремится къ войнѣ съ Россіей; заблужденіе это было разсѣяно демонстраціей въ Манчестерѣ, общая враждебность къ войнѣ, появившаяся

на майскихъ митингахъ, пятьсотъ подписей, противящихся войнѣ, собраніе рабочихъ, выборы въ Нортумберландѣ, Тамвортѣ и Редингѣ вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякаго энтузіазма къ войнѣ, убѣдили его въ томъ, что нація стоитъ за миръ. Въ то же время весьма правдоподобно вліяніе германскаго двора, дочь королевы могла открыть ей глаза на гибель, въ которую Биконсфильдъ ввергаетъ государство“.

Мы всѣ вздохнули свободно, но недоумѣніе длилось слишкомъ долго и напряженіе было слишкомъ сильно, чтобъ почувствовать себя въ безопасности.

Лордъ Биконсфильдъ отошелъ съ своими стратегическими движеніями на задній планъ, въ то самое время, когда официальные главари оппозиціи рѣшались сдаться. Гладстонъ, Брайтъ и храбрецы стояли твердо, но Хартингтонъ и Фостеръ ослабѣли духомъ.

Въ концѣ мая Фостеръ произнесъ рѣчь, въ которой, къ удивленію всѣхъ, онъ порицалъ затрудненія, дѣлаемая правительству. Я написалъ ему протестъ противъ этой мѣры. Мнѣ казалось, что наша священная обязанность всячески мѣшать стремленіямъ правительства къ войнѣ. Въ результатъ вотъ что я писалъ г-жѣ Новиковой:

„Мнѣ очень жаль, что сообщаю Вамъ неприятное извѣстіе. Вчера я получилъ письмо отъ Фостера, которое привело меня въ уныніе. Я писалъ ему, какъ Вы знаете, что, по моему мнѣнію, правительству должны препятствовать, и вотъ его отвѣтъ:

„Надо принять за правило, что оппозиція не должна ослаблять правительство передъ иностранными государствами, иначе, какъ если она пытается произвести окончательный переворотъ въ пользу мира, но, чувствуя свое безсиліе, она не должна компрометтировать существующее правительство.

„Логическимъ послѣдствіемъ продолженія оппозиціи была бы помощь иностранцу, о чемъ конечно не можетъ быть и рѣчи. Я полагаю, что настоящая разница между нами та, что я ставлю болѣе на первый планъ сохраненіе мира, чѣмъ Вы, потому что мнѣ уже нѣсколько времени стало ясно, что единственный способъ сохраненія мира заключается въ уступкахъ со стороны Россіи. Право или не право наше правительство въ томъ положеніи, которое оно приняло, оно очевидно имѣло поддержку страны и не желало отступать. Поэтому всякое поощреніе Россіи выдержать характеръ и сдѣлать войну неизбѣжной становится весьма серьезнымъ вопросомъ“.

Въ отвѣтъ г-ну Фостеру я писалъ: „1) что правительство не

только не имѣло поддержки страны, но мнѣ казалось несомнѣннымъ совершенно противоположное; 2) что правительство не посмѣло бы рѣшиться на войну, если бы не разсчитывало на согласіе либеральныхъ лидеровъ идти на это преступленіе; 3) что касается ободренія иностранца, то если иностранецъ правъ, его слѣдуетъ ободрять. Я былъ огорченъ признаніемъ Фостера. Лидеры либераловъ очевидно пали духомъ и раздѣлились, разсчитывать на ихъ сопротивленіе Биконсфильду невозможно. Мнѣ стыдно за нихъ, но Вамъ лучше знать правду. Не выдайте имя Фостера и его письмо, но, конечно, если Вы думаете, что оно разсѣетъ иллюзіи, которыя я такъ усердно поддерживалъ, можете воспользоваться этимъ сообщеніемъ, гдѣ найдете нужнымъ. Гладстонъ, Брайтъ и около 50—60 человекъ изъ парламента, подкрѣпляемые всѣмъ, что есть лучшаго и благороднаго въ странѣ, противятся войнѣ“.

Причины, одушевлявшія оппозицію такой страстной настойчивостью, были въ высшей степени патріотичны. Ихъ образъ мыслей вѣрно изображенъ въ моемъ письмѣ къ г-жѣ Новиковой.

25 марта 1878 г.

„Нѣтъ словъ выразить мою радость, если то, что я сдѣлалъ или написалъ, могло сколько-нибудь смягчить страшное раздраженіе въ Москвѣ противъ моей несчастной родины. Вы знаете, что, несмотря на ея ошибки, Англія имѣетъ много привлекательнаго даже для иностранца. Чѣмъ же она должна быть для человека, который въ ней родился, научился ее любить съ тѣхъ поръ, какъ научился читать? Англія мнѣ очень, очень дорога. Я рѣдко выставляю свою вѣрность и мало говорю о своемъ патріотизмѣ, но едва-ли кто-нибудь изъ самыхъ восторженныхъ шовинистовъ пойметъ чувства, наполняющія мою душу, когда я смотрю на прошлое и размышляю о будущемъ моей возлюбленной Англіи.

Англія, если она будетъ вѣрна Богомъ данной ей миссіи, будетъ править половиной міра. Англійскій языкъ станетъ всемірнымъ. Уже теперь нашъ скипетръ... Но къ чему писать рапсодіи Вамъ. Вы слишкомъ хорошо знаете, какъ блестящи мои мечты о судьбахъ Англіи. Но чтобы онѣ исполнились, Англія должна быть вѣрна себѣ, вѣрна Богу, но если,—страшная мысль,—она откажется отъ этой славной миссіи и свернетъ въ сторону войны съ той единственной націей, съ которой ей придется дѣлить будущее Азіи, у меня ужасное предчувствіе, что она падетъ, падетъ, какъ Вавилонъ въ Апокалипсисѣ. Да избавитъ Богъ Своею милостью отъ такого несчастья! Ужасно подумать, что Англія, т. е. я, получитъ смертный ударъ отъ Россіи, т. е. отъ Васъ, или наоборотъ, а между

прочимъ милліоны людей смотрять снисходительно, на правительство какъ бы ослѣпленные Богомъ для того, чтобы охотнѣй идти на рѣзню. Было бы похвально чѣмъ бы то ни было содѣйствовать идеѣ мира, быть въ состояніи хотя бы нѣсколько уменьшить лихорадочный пылъ, могущій сдѣлать столько зла. Я очень радъ и благодаренъ, что моя замѣтка о Вашихъ письмахъ О. К. принесла хотя бы маленькую пользу. Если бъ я могъ быть исполнителемъ воли Божіей въ томъ, чтобъ возобновить дружескія чувства между Англіей и Россіей, я былъ бы счастливъ. Нужно ли также сказать, что я въ восторгѣ отъ того, что моя статья Вамъ понравилась, я думалъ, что такъ будетъ, и не разочаровался. Я всегда доволенъ, когда могу угодить Вамъ, потому что это единственное средство, которымъ я могу засвидѣтельствовать мой глубокой долгъ благодарности передъ Вами. Не думаю, чтобы война возникла, я не могу повѣрить этому. Я не смѣю этому вѣрить. Наши страны ничего не выигрываютъ и все теряютъ отъ войны. Я нахожу вѣроятнымъ, что мы Васъ заставимъ войти въ Константинополь и уничтожить Оттоманскую имперію. Но и безъ войны съ Вами у насъ много дѣла. Мы завладѣемъ островами и проч. принадлежащими туркамъ. Увидите, Биконсфильдъ еще сокрушитъ Турцію. Онъ настоящій антитурокъ. Прощайте, благослови Васъ Богъ. Какъ бы я желалъ побольше сдѣлать для Васъ, но не могу.

Стедь“.

Я привожу здѣсь два письма Фруда къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, дающія вѣрное понятіе о положеніи, какимъ оно казалось наблюдателю лондонскаго Вестъ-Энда.

13 апрѣля 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Мнѣ кажется, дѣла улучшаются. Последнія пренія въ парламентѣ были очень полезны. Рѣчь лорда Дерби принята сочувственно всей страной, совѣсть нѣкоторыхъ (все еще къ сожалѣнію меньшинства) заговорила, и либеральная партія, на сѣверѣ, опять становится дѣятельной. Если еще мѣсяць лорда Биконсфильда не допустятъ къ войнѣ, оппозиція соберетъ силы, и Англія пойметъ, что она была на краю огромнаго кризиса и столь же огромнаго безразсудства. Главная опасность теперь въ Константинополѣ, гдѣ интриги Лаярда могутъ заставить турокъ поступить опрометчиво. Дайте только собраться конгрессу, и все спасено. Миръ будетъ обезпеченъ и настанетъ судъ надъ шайкой бездѣльниковъ, причинившихъ зло. Мнѣ очень жаль Васъ. Знаю,

какія должны быть Ваши чувства. Изгнаніе Вами Турокъ изъ Болгаріи признается впослѣдствіи самымъ благодѣтельнымъ дѣломъ, совершеннымъ въ Европѣ за два столѣтія. Систематическая ложь скрывала отъ насъ правду, какъ она есть, но ее увидятъ и, если не произойдетъ ничего новаго, увидятъ очень скоро.

„Циркуляръ кн. Горчакова былъ хорошо принятъ. Я самъ приходилъ въ отчаяніе, когда писалъ послѣднее письмо, но теперь я снова надѣюсь. Вамъ горячо преданный

Фрудъ“.

„Я написалъ на-дняхъ короткое письмо въ „Times“ и судя по жестокости писемъ, которыя я получаю отъ поклонниковъ премьера, оно произвело впечатлѣніе. Настаивайте на конгрессѣ. Вся надежда врага истощить Ваше терпѣніе продолжительнымъ кризисомъ“.

28 апрѣля 1878 г.

„Я получилъ вчера вечеромъ Ваши письма отъ 21 и 22. Вы конечно огорчены, огорчены должны быть всѣ мы, ненавидящіе ложь, вѣроломство, несправедливость. Я знаю, что моя страна поступала какъ нельзя болѣе дурно, но вопросъ въ томъ, какъ по-мѣшать тѣмъ, кто желаетъ зла Россіи, поступать по-своему. Положеніе таково: большая часть англійскаго народа стыдится турокъ и не пошевелила бы пальцемъ, чтобъ ихъ возстановить. Но лордъ Биконсфильдъ воспользовался Румынскимъ дѣломъ и колебаніемъ кн. Горчакова представить трактатъ конгрессу, чтобъ убѣдить страну, что Россія преслѣдуетъ собственные, честолюбивые замыслы, для которыхъ покровительство славянамъ служило предлогомъ и потому не допускаетъ вмѣшательства оппозиціи. Настаивайте на конгрессѣ, и общественное мнѣніе измѣнится. Вы боитесь, что здѣшній кабинетъ стремится только выиграть время. Но время дорого обѣимъ сторонамъ. Всякій серьезный человекъ въ Англіи противъ войны. Теперь уже увеличивается партія противниковъ министерской политики. Выборы это доказываютъ. Только допустите конгрессъ съ Вашего согласія, и я увѣренъ, что либеральная партія будетъ настаивать на благопріятныхъ условіяхъ для Васъ.

Поставьте, пожалуйста, Вашимъ первымъ условіемъ, когда начнутся переговоры, чтобъ турку не возвратитъ ни одного клочка освобожденныхъ земель въ Европѣ. Биконсфильдъ долженъ согласиться или отказать. Если согласится, онъ лишился турокъ навсегда; если откажется, онъ потеряетъ поддержку здѣсь, и всѣ европейскія державы будутъ противъ него. Вотъ я пускаюсь совѣтовать, точно я дипломатъ. Вы сочтете это за нелѣпость и самонадѣянность съ моей стороны, но знаете ли, я хорошо знакомъ съ ходомъ дѣла, какъ

оно было представлено англійскому кабинету, и потому мнѣ кажется, я вижу, чѣмъ можно разстроить измѣну и плутовство Биконсфильда.

20 мая 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я написалъ Вамъ длинное письмо на прошлой недѣлѣ и сжегъ его, потому что оно могло ввести въ заблужденіе. Положеніе таково, я тѣмъ болѣе настаиваю на немъ, что въ Вашемъ письмѣ отъ 11-го, полученномъ мною сегодня утромъ, вижу тонъ надежды. Не довѣряйте возрожденію либеральной партіи. Она усилится впоследствии, чтобъ отомстить за Васъ. Не могутъ и не желаютъ препятствовать правительству объявить войну, иначе какъ если Россія согласится на конгрессъ. Рѣшитесь на конгрессъ, и чувство чести англичанъ не допуститъ Биконсфильда и королеву долѣе лицемѣрить. Настаивайте, если хотите, на томъ, чтобы ни одна изъ освобожденныхъ національностей не была возвращена во власть Турціи. Возвратите себѣ то высокое нравственное положеніе, которое Вы бы заняли, если бъ немедленно послѣ перемирія призвали Европу на совѣщаніе. Тогда все будетъ хорошо. Вся Англія, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства и Порты, будетъ за Васъ. Либеральная партія въ парламентѣ плоха, сильныхъ около ста, остальные трусы или измѣнники. Сегодня вечеромъ будетъ битва по конституціонному вопросу индійской арміи. Въ этомъ вопросѣ вся оппозиція въ согласіи. Не будьте въ заблужденіи о числѣ раздѣленныхъ, какъ бы велико оно ни было. Повторяю, мы за войну отомстимъ, если она будетъ, но помѣшать ей мы не можемъ. Сдѣлайте любезную уступку теперь. Лордъ Б. и его друзья будутъ имѣть плохой триумфъ, а черезъ два года будетъ перемѣна правительства. Тогда исторія этой ложной, слабой и вѣроломной политики ясно откроется, и воздана будетъ ей и Вамъ справедливая оцѣнка, Вамъ будетъ непріятно то, что я говорю, но едва-ли есть въ Англии болѣе вѣрный другъ Россіи, чѣмъ я, поэтому Вы можете придать вѣру моимъ словамъ.

Плохое утѣшеніе будетъ для Васъ, если Вамъ представится новая борьба и загорится всемірная война (такой она должна быть), узнать лѣтъ черезъ десять, что англійская конституція разрушена, консервативная партія уничтожена, а, можетъ быть, и вся монархія съ ней.

Все же положеніе лучше, чѣмъ было двадцать четыре года назадъ. Тогда вся страна единодушно была Вашимъ противникомъ за исключеніемъ горсти людей. Теперь мы можемъ обезпечить честное отношеніе, какъ только дѣло поступитъ отъ дипломатовъ на міровой конгрессъ. Вашъ огорченный, но искренно преданный Фрудъ“.

Я кончаю эту главу характеристичнымъ письмомъ Фримана къ г-жѣ Новиковой.

„Что сдѣлаеть еврейскій визирь императрицѣ Индіи, при помощи варваровъ той имперіи, посредствомъ которой онъ хочетъ поспирать Англію и Европу и обратить міръ въ великую азіатскую загадку. (Не отъ того ли онъ озлобленъ противъ Сербіи, что тамъ много свиней?) Видите ли, лордъ Дерби настолько усовершенствовался, что не могъ долѣе дѣйствовать съ евреемъ, тогда какъ Сольсбери, бывъ воспитаннымъ, сталъ хуже еврея. Посмотрите на возмутительный циркуляръ. Ну, если они могутъ урѣзать Вашу Болгарію въ пользу Греціи, тогда хорошо, но они захотятъ урѣзать ее для Турціи. Диззи (Биконсфильдъ) обманулъ и огорчилъ грековъ обѣщаніями помощи, убѣждалъ ихъ увести войска и въ результатѣ тысяча лживыхъ обѣщаній реформъ со стороны турокъ въ Фессалии и Эпирѣ. Сравняютъ всѣхъ оттомановъ: жителей Фессалии и Македоніи обратить въ оттомановъ! Я говорю откровенно:

Вашъ Императоръ, котораго мы привыкли называть Александръ Освободитель, потерялъ въ нашихъ глазахъ изъ-за Бессарабіи и за оставленіе Греціи и всѣхъ почти славянъ на произволь судьбы. Я говорю судьбы, потому что реформы пустой звукъ, единственно нужная реформа вырвать корень зла: турецкое господство. Не можете ли Вы просить его возвратить свое названіе, приведя на конгрессѣ все въ порядокъ. Сдѣлайте такое предложеніе, противъ котораго еврею стало бы стыдно противорѣчить, лишите его силы, только помните, что я сказалъ годъ тому назадъ. Мы можемъ имѣть довѣріе къ русскому Императору, мы можемъ вѣрить русскому народу, но русскимъ дипломатамъ мы такъ же мало довѣряемъ, какъ и дипломатамъ другихъ странъ. Развѣ это не оправдалось?

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

